

Н. РЕРИХ

(К сорокалетию академической работы).

В своем недавнем очерке «По лицу земли» вошедшем в одиннадцатый том его сочинений «Не рушимое», Рерих писал о русских:

«Есть какая то благородная, самоотверженная щедрость в этом всемирном даянии. Всё не хотим сказать, что мол какие мы, русские! Совсем другое хочется отметить, как факт непреложный, исторический. В будущих летописях будет отмечено это русское всемирное даяние. Происходит оно, поистине, в планетарных пределах. Тут уже не может быть случайных, мелких делений. Вырастает соображение творческого блага, в котором каждый может и должен приобщиться в качестве неуставного трудника».

Не относятся ли эти слова и к самому мастеру, который так потрудился и продолжает творчески трудиться во славу народа русского. Справедливо много раз повторено и в русских и в иностранных книгах о том, что имя Рериха вошло на почетные страницы русского искусства. Вспоминая, что по этому поводу писали кроме Александра Бенуа, Леонида Андреева, Балтрушайтиса, Сергея Эриста, А. Ростиславова, в последующие годы Кузьмин, Бабенчиков, Бурлюк, Голлербах, Всеев, Иванов и другие критики. Тоже самое всюду было подчеркнуто и в иностранной прессе, отзывы которой составляют целые тома. Среди иностранных писателей мы встречаем оценки таких знатоков искусства как Дени Рош, Сэр Филипп, Франк Руттер, Хр. Бринтон, В. Риттер, Мишель Мартен, Рабиндинрат Тагор, О. Ганголи, Н. Мехта, Р. Ч. Тандан, Асит Кумар Халдар, Биресвар Сен, проф. Варма, Р. Рудчйтис и многие, которые во всех странах оценивали русское искусство Рериха.

Подчеркиваем слово «русское» искусство, ибо никто не сомневался в том, что Рерих, даже затрагивая иностранные сюжеты, все же всегда оставался русским и неутомимо нес по миру понятие русскости и в самом широком значении. Действительно спросим себя, многие ли, кто же так широко по всему миру нес русскую славу? В Лондоне Виктория и Альберт Музей — «Половецкий Стан». В Париже — «Звенигород», в Триполи — «Ростов Великий», в Калифорнии — «Царь Салтан». В Чикаго — «Снегурочка», в Англии — «Царь Салтан», в Нью Йорке — «Садко», серия св. Сергия, «Гости», в Китае — «И открываем», в Аллахабаде — «Новгород» и «Лель». В Белграде «Земля славянская», в Загребе «Языческая Русь», в Лувре (Павильон Марсан) — Эскизы русских фресок, в Каире «Русский рыбак», в Хатане — «Москва», в Буэнос Айресе «Весна», в Шантиникетане у Тагора — «Царь Салтан». В Монголии — «Великий Владик», в Риге — «Пустынь». В Ливерпуле — «Валаам». В Бенаресе — «Звезда Героя». С. Эрик в своей монографии справедливо назвал сюжеты русских исторических памятников оставшихся в Америке «Пантеоном Русской Славы». А сколько же картин Рериха, говорящих о России, прошло по разным странам на выставках мастера. Париж и Лондон до сих пор не забыли постановку «Князя Игоря» и «Половецкие танцы» в антрепризе Дагилева. Уже тогда и Арсен Александр и Бенар называли эту постановку Рериха прекрасным достижением.

А сколько таких же незабываемых достижений о русском достоинстве разсыпало в многочисленных очерках и записных листах художника широко обожествленных прессу многих стран. Не удивляемся, что и в Индии пе-

ред многочисленной аудиторией в прессе называют Рериха «русским риши». В этом наименовании Индия выражает свое наивысшее суждение.

Когда же Рерих изображает Гималаи, то сами индусы в лице лучших художников и писателей говорят о несравненных рериховских Гималаях. Когда мы вспоминаем серии картин Индии, Тибета, Монголии написанные Рерихом после 1923 года во время экспедиций когда он так близко приобщался к Востоку мы и тут должны почувствовать русскость художника. Это неповторенное качество создало и особое понимание Рериха всем Востоком. Уже давно Рерих понимал Азиатскую Русь. Любя древность художник прикасался к живым основам и всегда шел к первоисточнику.

Изучать творчество Рериха это значит прикасаться к фактам. Не отвлеченность, не туманность, но верное прозрение руководило художником с самого начала его деятельности. В недавно напечатанном очерке Рериха «Толстой и Тагор» художник вспоминает о своем посещении Льва Толстого и о тех напутственных словах, которые сказал Толстой по поводу картины Рериха — «Гонец» (1897) «Пусть выше руль держит тогда доплынет». Это напутствие видимо глубоко запало в сердце художника и не в мечтаниях, но в действиях он нес этот наказ широко по лицу земли. Среди последних картин мы видим и великого пахара Микулу. Только подумать, что на Гималайских высотах русский художник в сильных образах мыслит о богатырях русских, о великом пахаре. И эта исконная мысль живет среди снегов Гималайских так же точно, как на Алтае создалась картина «Ойрот», а на Кавказе создавались «Бугурстан», «Эльбрус» и другие великаны Кавказа.

Видевшие картины Рериха последние лет утверждают, что творчество мастера стало еще красочнее, определенное и монументальное. Получается реальный синтез всех накоплений. А в итоге опять таки мы убеждаемся не только в том, что Рерих неотъемлемо остается художником русским, но и выразителем Русской Азиатской. Получается неотвлеченное символическое творчество, но выражение основ великого народа.

Мы приветствуем и ценим эту реальную основу творчества. Вспомним о ком из художников писал Рерих в своих очерках. Он писал о Сурикове, о Серове, о Кундаки, о Врубеле, Рябушкине, Рылове, Петрове-Водкине, Юоне, Шусеве, Шуко, о своих славных товарищах по русскому искусству. В этих проникновенных и всегда доброжелательных очерках автор невольно выражал и свою сущность. В конце концов Суриков и Рябушкин, ведь они знали тоже Русь Восточную, да и не могло быть иначе. По пути «Из Варяг в Греки», по Днепру и по Волге, из-за Каспия в течение многих веков всегда притекали сокровища Азиатские. В одной из самых своих первых картин «Варяг» Рерих видит северного воина в Византии, где тот уже смотрит на восточные диковины.

Вспоминая всю почти полуторовую работу Рериха, можно удивляться насколько эта русская песня звучала неотрывно и непрерывно. Получились новые нарости, богатые накопления — весь тот ясный и реальный опыт, который делает и картины и писания Рериха понятными «не только первым, но и последним», как недавно выразился один писатель. Он же продолжает: «Рерих оптимист — иным он и не мог бы быть и все его кни-

ги продиктованы верою в жизнь, в мир всего мрия». Этой верою в жизнь обясняется и горячее устремление Рериха к окраине культурных ценностей. О значении культуры художник говорит в самых трогательных и убедительных выражениях. У мастера много последователей, разбросанных, не преувеличивая, по всему миру. Среди бесед о культуре художник всегда скажет и о России.

Трогательно видеть его неизменную русскость, выражющуюся на разных языках, в самых неожиданных сочетаниях и тем не менее остающуюся самою подлинною. В Индии, в Америке, во Франции художник говорит о Пушкине, о Толстом, Горьком, Гоголе, Шаляпине, Бетховене, Прежальском, Мусоргском, Римском-Корсакове, Павлове, Ломоносове. Если когданибудь кто-то задастся целью выявить сколько именно сведений и образов русских было широко дано Рерихом разных народам, то получилась бы своеобразная и тоже неповторенная страница утверждения русской культуры.

Давно Рерих говорил о прошлом для будущего. В его словах это не звучало каким-то окаменением. Наоборот в будущее Рерих устремлен всеми своими мыслями. Его очерки «Лучшее Будущее» говорят о неукротимом устремлении к творению, к деланию, к труду постоянному во имя лучшего будущего. Наверное многие знают лишь фрагменты всего труда Рериха. При его многосторонности могут возникнуть однобокие суждения. Но хотелось бы сопоставить все создания и движения Рериха. Чем больше таких сопоставлений сделаем, тем яснее выступит цельность творчества, цельность устремления и цельность служения человечеству.

В одной из многочисленных монографий характеристика Рериха называлась «служением человечеству». Правда, картины его совсем не служебны, но в своем целом они даютозвучную песнь о красоте и в этом прекрасном звунии прежде всего громит слово русское. В этой русской нет шовинизма, нет кичливости. Сам художник замечает, говорил пагане о русской красоты: «не из гордыни говорим». Действительно, в словах художника говорят не гордыня, не желание кого бы то ни было унизить, но стремление к справедливой оценке. Это же стремление к справедливости хочется проявить и собравшие данные о работе самого Рериха.

В 1915 году было отмечено 20-летие работы Рериха, начавшей свою самостоятельную деятельность чрезвычайно рано. Всеми его первыми композициями «Плач Ярославны», «Ушакин», «Утро Богатырей», иллюстрации к Пушкинскому «Руслану»... А теперь уже и сорок лет окончания академии и не за горами и полувековой срок труда. Ученики Рериха говорят: «как свежи заветы учителя», и действительно среди заветов и достижений Рериха нет отживших, наоборот, народ приходит именно к нему путями, от которых шел и идет Рерих.

А. Н. Бенуа характеризовал Рериха как представителя целой особой школы. О том же писал и Леонид Андреев. Кузмин правильно начинает свою книгу, изданную в Москве в 1924 г. «Н. К. Рерих — явление единственное в русском искусстве». Еще недавно в литературе называли школу Рериха «синтетическим реализмом». Таким образом в различных странах критики пытаются найти формулу мощного творчества Рериха, но среди многих определений творчества хочется подчеркнуть, что мастер всюду является художником русским. С. Эрик заканчивает свою монографию о Рерихе словами: «Общим же устремлением самых последних работ Рериха является искание наиболее простого, «широко-планированного», крепко спаянного в своей простоте живописного выражения, как бы отвечающего духовному пути мастера, прекрасному в своей чистоте и силе».

В. А.

РЕРИХ.

В своем недавнем очерке "По Лицу Земли" вошедшем в одинадцатый том его сочинений "Нерушимое", Рерих писал о русских:

"Есть какая-то благородная, самоотверженная щедрость в этом всемирном даянии.

Вовсе не хотим сказать, вот мол какие мы, русские! Совсем другое хочется отметить, как факт непреложный, исторический. В будущих летописях будет отмечено это русское всемирное даяние. Происходит оно, поистине, в планетарных пределах. Тут уже не может быть случайных, мелких делений. Вырастает соображение творческого блага, в котором каждый может и должен приобщиться в качестве неустанного трудиника".

Не относятся ли эти слова и к самому мастеру, который так потрудился и продолжает творчески трудиться во славу народа русского. Справедливо много раз повторено и в русских и в иностранных книгах о том, что имя Рериха вошло на почетные страницы русского искусства. Вспоминаем, что по этому поводу писали кроме Александра Бенуа, Леснича Андреева, Балтрушайтиса, Сергея Эриста, А. Ростиславова, в последующие годы Кузьмин, Бабечиков, Бурлюк, Голлербах, Вольтер, Всеев, Иванов и другие критики. То же самое всюду было подчеркнуто и в иностранной прессе, отзывы которой составляют целые тома. Среди иностранных писателей мы встречаем оценки таких знатоков искусства как Дени Роп, Сэр Филлипс, Франк Руттер, Хр. Бринтон, В. Риттер, Милош Мартен, Рабиндранат Тагор, О. Ганголи, Н. Мехта, Р. Ч. Тандан, Асит Кумар Халдар, Биресвар Сен, проф. Варма, Р. Рудзитис и многих, многих, которые во всех странах оценивали русское искусство Рериха.

Подчеркиваем слово "русское" искусство, ибо никто не сомневался в том, что Рерих, даже затрагивая иностранные сюжеты, все же всегда оставался русским и неутомимо нес по миру понятие русности в самом широком значении. Действительно спросим себя, много ли кто так широко по всему миру нес русскую славу? В Лондоне Виктория и Альберт Музей - "Половецкий Стан". в Париже - "Звенигород", в Триполи - "Ростов Великий", в Калифорнии "Царь Салтан". В Чикаго - "Снегурочка".

в Англии - "Царь Салтан", в Нью-Йорке - "Садко", серия Св. Сергия, "Гости", в Китае - "И открываем", в Аллахабаде - "Новгород" и "Лель", В Белграде "Земля Славянская", в Загребе "Языческая Русь", в Хотане - "Москва", в Буэнос-Айресе "Весна", в Шантиникете у Тагора - "Царь Салтан". В Монголии - "Великий всадник", в Риге - "Пустынь". В Ливерпуле - "Валаам". В Бенаресе - "Звезда Героя". С.Эрик в своей монографии справедливо назвал скиту русских исторических памятников оставшихся в Америке "Пантеоном Русской Славы". А сколько же картин Рериха, говорящих о России, прошло по разным странам на выставках мастера. Париж и Лондон до сих пор не забыли постановку "князя Игоря" и "Половецкие танцы" в антрепризе Дягилева. Уже тогда и Арсен Александр и Бэнар назвали эту постановку Рериха прекрасным достижением.

А сколько таких же незабываемых достижений о русском достоинстве разсыпано в многочисленных очерках и записных листах художника широко обобщенных прессой многих стран. Не удивляемся, что и в Индии перед многомиллионной аудиторией в прессе называют Рериха "русским риши". В этом наименовании Индия выражает свое наивысшее суждение.

Когда же Рерих изображает Гималаи, то сами Индуны в лице лучших художников и писателей говорят о несравненных Рериховских Гималаях. Когда мы вспоминаем серии картин Индии, Тибета, Монголии написанные Рерихом после 1923 года во время экспедиций когда он так близко приобщился к Востоку мы и тут должны почувствовать русскость художника. Это неповторенное качество создало и особое понимание Рериха всем Востоком. Уже давно Рерих понимал Азиатскую Русь. Любя древность художник прикасался к живым основам и всегда шел к первоисточнику.

Изучать творчество Рериха это значит прикасаться к фактам. Не отвлеченность, не туманность, но верное прозрение руководило художником с самого начала его деятельности. В недавно напечатанном очерке Рериха "Толстой и Тагор" художник вспоминает о своем посещении Льва Толстого и о тех напутственных словах, которые сказал Толстой по поводу картины Рериха - "Гонец" /1897/: "Пусть выше руль держит, тогда доплынет". Это напутствие видимо глубоко запало в сердце художника и

не в мечтаниях, но в действиях он нес этот наказ широко по лицу земли. Среди последних картин мы видим и великого пахаря Микулу. Только подумать, что на Гималайских высотах русский художник в сильных образах мыслит о богатырях русских, о великом пахаре. И эта исконная мысль живет среди снегов Гималайских, также точно, как на Алтае создалась картина "Ойрот", а на Кавказе создавались "Бугурстан", "Эльбрус" и другие великаны Кавказа.

Видевшие картины Рериха последних лет утверждают, что творчество мастера стало еще красочнее, определеннее и монументальнее. Получается реальный синтез всех накоплений. А в итоге опять таки мы убеждаемся не только в том, что Рерих неотъемлемо остается художником русским, но и выразителем Русии Азиатской. Получается не отвлеченное символическое творчество, но выражение основ великого народа.

Мы приветствуем и ценим эту реальную основу творчества. Вспомним о нем из художников писал Рерих в своих очерках. Он писал о Сурикове, о Серове, о Куинджи, а Врубеле, а Рябушкине, о Рылове, о Петрове-Водкине, о Коне, о Шусеве, о Шуко, о своих славных соратниках по русскому искусству. В этих проникновенных и всегда доброжелательных очерках автор невольно выражал и свою сущность. В конце концов Суриков и Рябушкин, ведь они знали тоже Русь Восточную, да и не могло быть иначе. По пути "Из Варяг в Греки", по Днепру и по Волге, из-за Каспия в течении многих веков всегда притекали сокровища Азиатские. В одной из самых своих первых картин "Варяг" Рерих видит северного воина в Византии, где тот уже смотрит на восточные диковины.

Вспоминая всю полувековую работу Рериха, можно удивляться насколько эта русская песня звучала неотрывно и непрерывно. Получались новые наростания, богатые накопления — весь тот ясный и реальный опыт, который делает и картины и писания Рериха понятными "не только первым, но и последним", как недавно выразился один писатель. Он же продолжает: "Рерих оптимист — иным он и не мог бы быть и все его книги продиктованы верою в жизнь, в мир всего мира". Этой верою в жизнь об'ясняется и горячее устремление Рериха к охране культурных ценностей. О значении культуры художник говорит в самых трогательных и убеди-

тельных выражениях. У мастера много последователей, разбросанных, не преувеличиваая, по всему миру. Среди бесед о культуре художник всегда скажет и о России.

Трогательно видеть его неизменную русскость выражавшуюся на разных языках, в самых неожиданных сочетаниях и тем не менее остающуюся самое подлинной. В Индии, в Америке, во Франции художник говорит о Пушкине, о Толстом, о Горьком, о Гоголе, о Шалляпине, о Бехтереве, о Пржевальском, о Мусоргском, о Римском-Корсакове, о Павлове, о Ломоносове.... Если когданибудь кто-то задастся целью выявить сколько именно сведений и образов русских было широко дано Рерихом разных народам, то получилась бы своеобразная и тоже неповторенная страница утверждения русской культуры.

Давно Рерих говорил о прошлом для будущего. В его словах это не звучало каким-то окаменением. Наоборот в будущее Рерих устремлен всеми своими помыслами. Его очерки "Лучшее Будущее" говорят о неуистом устремлении к творению, к деланию, к труду постоянному во имя лучшего будущего. Наверное многие знают лишь фрагменты всего труда Рериха. При его многосторонности могут возникать однобокие суждения. Но хотелось бы сопоставить все созания и движения Рериха. Чем больше таких сопоставлений сделаем тем яснее выступит цельность творчества, цельность устремления и цельность служения человечеству.

В один из многочисленных монографий характеристика Рериха называлась "служением человечеству". Правда, картины его вовсе не служебны, но в своем целом они даютозвучную песнь о красоте и в этом прекрасномозвучии прежде всего гремит слово русское. В этой русскости нет шовинизма, нет кичливости. Сам художник замечает, говоря о пантеоне русской красоты: "не из гордии говорим". Действительно, в словах художника говорит не гордый, не желание кого бы ни было унизить, но стремление к справедливой сценке. Это же стремление к справедливости хочется проявить и собирая данные о работе самого Рериха.

В 1915 году было отмечено двадцатипятилетие работы Рериха, начавшего свою самостоятельную деятельность чрезвычайно рано. Вспомним его первые композиции

"Плач Ярославин", "Ушкуйник", "Утро Богатырей", иллюстрации к Нушинскому "Руслану".... А теперь уже и сорок лет окончания Академии и не за горами и полу-вековой срок труда. Ученики Рериха говорят "как свои заветы учителя", и действительно среди заветов и достижений Рериха нет отживших, народ приходит именно к тем путям, от которых шел и идет Рерих.

А.Н. Бенуа характеризовал Рериха как представителя целой особой школы. О том же писал и Леонид Андреев. Кузмин правильно начинает свою книгу изданную в Москве в 1924 году "Н.К. Рерих - явление единственное и не повторимое в русском искусстве".

Еще недавно в литературе называли школу Рериха "синтетическим реализмом". Таким образом в различных странах критики пытаются найти формулу мощного творчества Рериха, но среди многих определений творчества хочется подчеркнуть, что мастер всегда является художником русским. С.Эрист заканчивает свою монографию о Рерихе словами:

"Общим же устремлением самых последних работ Рериха являетсяискание наиболее простого, "широко-планиного", крепко спаянного в своей простоте живописного выражения, как бы отвечающего духовному пути мастера, прекрасному в своей чистоте и силе."

В.А.

Париж.

Н. РЕРИХ.

/К сорокалетию академической работы/.

В своем недавнем очерке "По лицу земли" вошедшем в одиннадцатый том его сочинений "Нерушимое", Рерих писал о русских:

"Есть какая то благородная, самоотверженная щедрость в этом всемирном даянии. Всё не хотим сказать, что мол какие мы, русские! Совсем другое хочется отметить, как факт непреложный, исторический. В будущих летописях будет отмечено это русское всемирное даяние. Происходит оно, поистине, в планетарных пределах. Тут уже не может быть случайных, мелких делений. Вырастает соображение творческого блага, в котором каждый может и должен приобщиться в качестве неустанныго трудника."

Не относятся ли эти слова и к самому мастеру, который так потрудился и продолжает творчески трудиться во славу народа русского. Справедливо много раз повторено и в русских и в иностранных книгах о том, что имя Рериха вошло на почетные страницы русского искусства. Вспоминаем, что по этому поводу писали кроме Александра Бенуа, Леонида Андреева, Балтрушайтиса, Сергея Эриста, А. Ростиславова, в последующие годы Кузьмин, Бабенчиков, Бурлюк, Голлербах, Всеев, Иванов и другие критики. Тоже самое всюду было подчеркнуто и в иностранной прессе, отзывы которой составляют целые тома. Среди иностранных писателей мы встречаем оценки таких знатоков искусства как Дени Рош, Сэр Филиппс, Франк Руттер, Хр. Бринтон, В. Риттер, Милош Мартен, Рабиндрат Тагор, О. Ганголи, Н. Мехта, Р. Ч. Тандан, Асит Кумар Халдар, Еиресвар Сен, проф. Варма, Р. Рудзитис и многие, которые во всех странах оценивали русское искусство Рериха.

Подчеркиваем слово "русское" искусство, ибо никто не сомневался в том, что Рерих, даже затрагивая иностранные сюжеты, все же всегда оставался русским и неутомимо нес по миру понятие russkosti и в самом широком значении. Действительно спросим себя, многие ли, кто же так широко по всему миру нес русскую славу? В Лондоне Виктория и Альберт Музей - "Половецкий Стан". В Париже - "Звенигород", в Триполи - "Ростов Великий", в Калифорнии - "Царь Салтан". В Чикаго - "Снегурочка", в Англии - "Царь Салтан", в Нью Йорке - "Садко", серия св. Сергия, "Гости", в Китае - "И открываем", в Аллахабаде - "Новгород" и "Лель". В Белграде "Земля славянская", в Загребе "Языческая Русь", в Лувре /Павильон Марсан/ - Эскизы русских фресок, в Каире "Русский рыбак", в Хотае - "Москва", в Буэнос Айресе "Весна", в Шантиникете у Тагора - "Царь Салтан". В Монголии - "Великий Есадник", в Риге - "Пустынь". В Ливериуле - "Валаам". В Бенаресе - "Звезда Героя". С. Эрист в своей монографии справедливо назвал силу русских исторических памятников оставшихся в Америке "Пантеоном Русской Славы". А сколько же картин Рериха, говорящих о России, прошло по разным странам на выставках мастера. Париж и Лондон до сих пор не забыли постановку "Князя Игоря" и "Половецкие танцы" в антрепризе Дягилева. Уже тогда и Арсен Александр и Бэнар назвали эту постановку Рериха прекрасным достижением.

А сколько таких же незабываемых достижений о русском достоинстве разсыпало в многочисленных очерках и записных листах художника широко обшедших прессу многих стран. Не удивляемся, что и в Индии перед многочисленной аудиторией в прессе называют Рериха "русским риши". В этом наименовании Индия выражает свое наивысшее суждение.

Когда же Рерих изображает Гималаи, то сами индусы в лице лучших художников и писателей говорят о несравненных рериховских Гималаях. Когда мы вспоминаем серии картин Индии, Тибета, Монголии написанные Рерихом после 1923 года во время экспедиций когда он так близко приобщался к Востоку мы и тут должны почувствовать russkost' художника. Это неповторимое качество создало и особое понимание Рериха всем Востоком. Уже давно Рерих понимал Азиатскую Русь. Любя древность художник прикасался к живым основам и всегда шел к первоисточнику.

Изучать творчество Рериха это значит прикасаться к фактам. Не отвлеченност, не туманность, но верное прозрение руководило художником с самого начала его деятельности. В недавно напечатанном очерке Рериха "Толстой и Тагор" художник

вспоминает о своем посещении Льва Толстого и о тех напутственных словах, которые сказал Толстой по поводу картины Рериха - "Гоинец" /1897/ "Пусть выше руль держит тогда допливет". Это напутствие видимо глубоко запало в сердце художника и не в мечтаниях, но в действиях он нес этот наказ широко по лицу земли. Среди последних картин мы видим и великого пахаря Микулу. Только подумать, что на Гималайских высотах русский художник в сильных образах мыслит о богатырях русских, о великом пахаре. И эта исконная мысль живет среди снегов Гималайских так же точно, как на Алтае создалась картина "Оирот", а на Кавказе создавались "Бугурстан", "Эльбрус" и другие великаны Кавказа.

Видевшие картины Рериха последних лет утверждают, что творчество мастера стало еще красочнее, определенее и монументальное. Полкается реальный синтез всех накоплений. А в итоге опять таки мы убеждаемся не только в том, что Рерих неотъемлемо остается художником русским, но и выразителем России Азиатской. Получается неотлученное символическое творчество, но выражение основ великого народа.

Мы приветствуем и ценим эту реальную основу творчества. Вспомним о ком из художников писал Рерих в своих очерках. Он писал о Сурикове, о Серове, о Куинджи, о Врубеле, Рябушкине, Рылове, Петрове-Водкине, Гоне, Шусеве, Шухо, о своих славных соратниках по русскому искусству. В этих проникновенных и всегда доброжелательных очерках автор невольно выражал и свою сущность. В конце концов Суриков и Рябушкин, ведь они знали тоже Русь Восточную, да и не могло быть иначе. По пути "Из Варяг в Греки", по Днепру и по Волге, из-за Каспия в течении многих веков всегда притекали сокровища Азиатские. В одной из самых своих первых картин "Варяг" Рерих видит северного воина в Византии, где тот уже смотрит на восточные диковини.

Вспоминая всю шинши полуночную работу Рериха, можно удивляться насколько эта русская песня звучала неотрывно и непрерывно. Получились новые нарости, богатые накопления - весь тот ясный и реальный опыт, который делает и картины и писания Рериха понятными "не только первым, но и последним", как недавно выразился один писатель. Он же продолжает: "Рерих оптимист - иным он и не мог бы быть и все его книги продиктованы верою в жизнь, в мир всего мира". Этой верою в жизнь об'ясняется и горячее устремление Рериха к охране культурных ценностей. О значении культуры художник говорит в самых трогательных и убедительных выражениях. У мастера много последователей, разбросанных, не преувеличивая, по всему миру. Среди бесед о культуре художник всегда скажет и о России.

Трогательно видеть его неименную русскую, выражавшуюся на разных языках, в самых неожиданных сочетаниях и тем не менее остающуюся самою подлинной. В Индии, в Америке, во Франции художник говорит о Пушкине, о Толстом, Горьком, Гоголе, Шаляпине, Бетховене, Пржевальском, Мусоргском, Римском-Корсакове, Павлове, Ломоносове. Если когданибудь кто-то задастся целью выявить сколько именно сведений и образов русских было широко дано Рерихом разных народам, то получилась бы своеобразная и тоже неповторенная страница утверждения русской культуры.

Давно Рерих говорил о прошлом для будущего. В его словах это не звучало каким-то окаменением. Наоборот в будущее Рерих устремлен всеми своими помыслами. Его очерки "Лучшее Будущее" говорят о неукротимом устремлении к творению, к деланию, к труду постоянному во имя лучшего будущего. Наверное многие знают лишь фрагменты всего труда Рериха. При его многогранности могут возникнуть однобокие суждения. Но хотелось бы сопоставить все создания и движения Рериха. Чем больше таких сопоставлений сделаем, тем яснее выступит цельность творчества, цельность устремления и цельность служения человечеству.

В одной из многочисленных монографий характеристика Рериха и называлась "служением человечеству". Правда, картины его вовсе не служебны, но в своем целом они даютозвучную песнь о красоте и в этом прекрасномозвучии прежде всего гремит слово русское. В этой рускости нет шовинизма, нет кичливости. Сам художник замечает, говоря о пантеоне русской красоты: "не из гордни говорим". Действительно, в словах художника говорит не гордня, не желание кого бы то ни было унизить, но стремление к справедливой оценке. Это же стремление к справедливости хочется проявить и собирая данные о работе самого Рериха.

В 1915 году было отмечено 20-летие работы Рериха, начавшее свою самостоятельную деятельность чрезвычайно рано. Вспомним его первые композиции "Плач Ярославы", "Ушкуйник", "Утро Богатырей", иллюстрации к Пушкинскому "Руслану"... А теперь уже и сорок лет окончания академии и не за горами и полувековой срок труда. Ученики Рериха говорят: "как свежи заветы учителя", и действительно среди заветов и достижений Рериха нет отживших, наоборот, народ приходит именем к нему путями, от которых идет идет Рерих.

А.Н. Бенуа характеризовал Рериха как представителя целой особой школы. О том же писал и Леонид Андреев. Кузмин правильно начинает свою книгу, изданную в Москве в 1924 г. "И.Н. Рерих - явление единственное в русском искусстве". Еще недавно в литературе называли школу Рериха "синтетическим реализмом". Таким образом в различных странах критики пытаются найти формулу мощного творчества Рериха, но среди многих определений творчества хочется подчеркнуть, что мастер всюду является художником русским. С. Эрист заканчивает свою монографию о Рерихе словами:

"Общим же устремлением самых последних работ Рериха является искание наиболее простого, "широко - планного", крепко спаянного в своей простоте живописного выражения, как бы отвечающего духовному пути мастера, прекрасному в своей чистоте и силе".

В.А.